Правовые основания и пределы применения технологий искусственного интеллекта в системе электронного мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России

Нестеренко Снежана Васильевна
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия, snejana_russia@mail.ru

Исследование посвящено правовым основаниям и пределам использования технологий искусственного интеллекта в федеральной государственной информационной системе «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (СЭМПЛ), эксплуатируемой уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России с 2012 г. Изучены нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона «О персональных данных», постановлений Правительства РФ № 198 и № 134, Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, а также законопроекта № 460-9 об обработке биометрических данных подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Установлено, что в действующем законодательстве допускается применение технических средств надзора и контроля, но отсутствуют нормы об автоматизированной аналитической обработке данных мониторинга, о правовом статусе выводов алгоритма и о гарантиях прав подконтрольного лица. С учетом технического состояния оборудования СЭМПЛ и практики судебной оценки ее данных обоснована трехуровневая модель допустимости функций искусственного интеллекта: вспомогательная обработка сигналов, аналитическая поддержка решений инспектора (только в отношении осужденных) и запрещенные функции. Предложены дополнения в ст. 60 УИК РФ и ведомственные акты, закрепляющие решающее участие должностного лица, обязательную проверку тревожных сообщений, журналирование работы алгоритмов, ограничение сроков хранения данных и право осужденного на ознакомление с основаниями решения.

Ключевые слова: система электронного мониторинга подконтрольных лиц; искусственный интеллект; уголовно-исполнительная инспекция; ограничение свободы; алгоритмическая оценка риска; персональные данные; автоматизированное решение; ФСИН России.

Введение

Курс на цифровизацию уголовно-исполнительной системы закреплен в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р), где одним из направлений модернизации названо оснащение уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) современными техническими средствами контроля за лицами, отбывающими наказания без изоляции от общества [1]. Понятие искусственного интеллекта (далее – ИИ) раскрыто в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490): под ним понимается совокупность технологических решений, воспроизводящих когнитивные функции человека, в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, при которой на конкретных задачах достигаются результаты, сравнимые с итогами интеллектуальной работы человека [2].

Дистанционный контроль в УИИ строится на федеральной государственной информационной системе «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (далее – СЭМПЛ), которая функционирует с 2012 г. и применяется к осужденным к ограничению свободы, а также к подозреваемым и обвиняемым, находящимся под домашним арестом, запретом определенных действий или залогом [3, 4]. На конец 2022 г. из 36 868 состоявших на учете осужденных к ограничению свободы электронными средствами контролировались 5 641 чел. (15 %), из 7 932 лиц под домашним арестом – 7 597 чел. (97 %), из 5 672 лиц с запретом определенных действий – 1 533 чел. (27 %) [3]. Накопленные в системе треки и записи о нарушениях стали поводом для предложений поручить их обработку алгоритмам машинного обучения и нейронным сетям [5, 6], т. е. перейти от простой регистрации событий к их автоматизированному истолкованию. Однако в уголовно-исполнительном законодательстве нет норм, которые определяли бы порядок алгоритмической обработки данных мониторинга, правовую природу выводов алгоритма и гарантии прав подконтрольного лица.

Цель настоящей работы – определить правовые основания и пределы применения технологий ИИ в СЭМПЛ ФСИН России, для чего решаются следующие задачи: установить нормативную основу автоматизированной обработки данных электронного мониторинга; выявить технические и доказательственные ограничения, препятствующие передаче функций контроля алгоритмам; обосновать модель допустимых функций ИИ и предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства.

Основная часть

Правовое регулирование электронного мониторинга выстроено на нескольких уровнях. Частью 1 ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) инспекциям предоставлено право применять аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения преступлений и нарушений порядка отбывания наказания и для сбора сведений о поведении осужденных; конкретный перечень устройств утвержден постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198. Контроль за исполнением мер пресечения опирается на ст. 105.1, 106 и 107 УПК РФ и постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 [3, 7]. Действия инспекторов регламентированы Инструкцией по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258, и совместным приказом Минюста России, МВД России, СК России и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 [4]. Предметом этих актов являются виды устройств и процедура их установки и использования; как обрабатывать собранную информацию аналитически, в них не определено, а понятия «алгоритм», «автоматизированная оценка» и «искусственный интеллект» там не встречаются.

В СЭМПЛ реализованы следующие операции [4]:

установление личности каждого лица, находящегося под контролем;

накопление и хранение сведений о маршрутах перемещения и допущенных нарушениях;

проверка соблюдения одного или нескольких установленных ограничений;

автоматическая выдача уведомлений о выявленных нарушениях;

задание и просмотр параметров контроля (охранных зон, временных интервалов);

отображение текущего статуса лица и истории его перемещений.

Автоматическая выдача уведомлений – элементарный вид алгоритмической обработки, работающий по жестко заданным правилам (пересечение границы охранной зоны, выход за пределы временного режима, вскрытие корпуса браслета и т. п.). С внедрением ИИ правила классификации выводятся из обучающей выборки, а не задаются инспектором, т. е. логика обработки данных не описывается нормативным актом и не может быть заранее проверена должностным лицом. На этом переходе и возникает потребность в специальном правовом основании.

Пригодность данных СЭМПЛ для машинного анализа зависит от исправности оборудования. На 31 декабря 2022 г. УИИ имели на балансе 23 397 электронных браслетов (далее – ЭБ) и 28 383 контрольных устройства – 13 893 мобильных (далее – МКУ) и 14 490 стационарных (далее – СКУ), при этом исправными значились 64 % МКУ, 82 % СКУ и 69 % ЭБ [3]. Паспортный срок эксплуатации браслета составляет 7 лет, тогда как на практике он выходит из строя через 1-2 года; дальность связи ЭБ с контрольным устройством – около 50 м; в браслет устанавливается одна SIM-карта, из-за чего в зонах слабого покрытия связь теряется, а сигнал о нарушении в ряде случаев доходит до оператора спустя более 8 часов [3]. Выделяемых ежегодно 45 млн руб. хватает на техническую поддержку и частичный ремонт, однако закупать новое оборудование за счет этих средств невозможно [3]. Среди эксплуатационных ограничений называют также нижний температурный предел работы браслета (+5 °C), необходимость вскрывать корпус контрольного устройства после второй полной разрядки аккумулятора, дефицит исправных комплектов при избрании домашнего ареста сразу нескольким обвиняемым по одному делу и др. [7].

Неудовлетворительное техническое состояние системы отмечалось и ранее. По итогам аудита Счетной палаты РФ за 2015-2017 гг. установлено, что на 1 января 2018 г. не работали 44,3 % единиц оборудования СЭМПЛ, по назначению применялись лишь 27,7 % общего парка и 49,8 % исправных устройств, а электронный контроль распространялся на 1,5 % из 989 228 лиц, прошедших в 2017 г. через учеты УИИ [8]. Динамика основных показателей приведена в таблице 1.

Таблица 1
Показатели технического состояния и применения оборудования СЭМПЛ

Показатель	2017-2018 гг. [8]	2022 г. [3]
Доля исправных МКУ/СКУ, %	62,7 / 78,4	64 / 82
Доля осужденных к ограничению свободы под контролем СЭМПЛ, %	менее 2	15
Доля лиц, контролируемых электронными средствами, от всех лиц на учете УИИ, %	1,5	нет данных
Доля лиц под домашним арестом под контролем СЭМПЛ, %	нет данных	97

Из данных таблицы следует, что за пять лет доля исправных устройств выросла лишь на 1,3-3,6 процентного пункта, т. е. темпы обновления парка уступали росту числа подконтрольных лиц. Значит, большая часть накопленных записей (треки, тревожные сообщения, отметки о вскрытии корпуса и др.) получена на оборудовании, исправность которого в момент регистрации события документально не подтверждена.

Технические дефекты прямо сказываются на доказательственной ценности данных мониторинга. С. В. Владимиров и В. В. Кубанов объясняют скептическое отношение судов к материалам инспекций рядом обстоятельств: оборудование не имеет сертификатов соответствия системы СовАСК, проверки его исправности документально не оформляются, браслет может давать ложный сигнал уже при удалении на 10 м от СКУ, в направляемых в суд документах не указываются инвентарные/электронные/серийные номера устройств, а единая нормативная терминология отсутствует [4]. Так, в работе УИИ тревожные сообщения разделяются по степени критичности на информационные, несущественные, серьезные и критичные, но в судебно-следственной практике это понятие не является общепринятым [4]. В. Б. Батоев отмечает, что суды учитывают сведения СЭМПЛ о нарушении запретов только тогда, когда к ним приложены документы, подтверждающие исправность оборудования [3].

Для уголовно-исполнительного права эта проблема имеет прямое материально-правовое измерение. Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ отказ осужденного от использования в отношении него технических средств надзора и контроля относится к основаниям признания его злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы, а при таком признании УИИ вносит в суд представление о замене неотбытой части наказания лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ). Повреждение браслета, его снятие и длительное отсутствие сигнала регистрируются в СЭМПЛ сходным образом – как утрата связи с устройством, тогда как юридическая оценка этих ситуаций различна: умышленный отказ от контроля, неосторожная порча имущества и технический сбой влекут разные последствия, причем умысел осужденного инспекции приходится доказывать [7]. Если разграничение таких ситуаций будет передано классификатору, ошибка модели станет ошибкой в установлении основания для лишения свободы, т. к. суд при рассмотрении представления опирается на материалы, подготовленные инспекцией. Поэтому автоматизированная квалификация события как отказа от контроля не может подменять проверку обстоятельств инспектором, включая выезд по месту жительства, получение объяснений осужденного и техническое заключение о состоянии устройства.

Отсюда двоякий вывод для внедрения ИИ. Автоматическая сортировка тревожных сообщений по критичности и отсев ложных срабатываний представляют наиболее очевидную и правомерную область применения машинного обучения. Однако если модель обучается на массиве, в котором до трети записей получено с неисправных устройств, ошибки оборудования переходят в нее в виде статистических закономерностей, поэтому вывод модели не может иметь большей доказательственной силы, чем исходные сигналы.

В научной литературе предлагаются разные варианты встраивания ИИ в контроль за подконтрольными лицами. Д. О. Ямбаев видит решение в сети облачных центров анализа и обработки данных (ОЦАОД), где информация об объектах уголовно-исполнительной системы и находящихся там лицах непрерывно обрабатывается глубокими нейронными сетями, а решения по предупреждению негативных ситуаций принимаются удаленно [6]. С. В. Шевелева и Д. Н. Химеденова предлагают оснастить УИИ собственной системой распознавания лиц, построенной по принципу комплекса «Безопасный город», и обосновывают это нагрузкой на инспекции: на 1 января 2023 г. 1 429 УИИ вели учет более 482 тыс. чел., а 55 % рецидивистов до нового преступления нарушали наложенные судом ограничения [5]. В первом варианте алгоритму фактически передаются распорядительные полномочия, во втором – полномочия по непрерывному наблюдению за конкретным лицом в публичных пространствах, и ни для одного из них в действующем законе нет нормативной опоры.

Противоположная позиция представлена в трудах Е. Г. Царьковой. По ее мнению, нейросетевые модели типа «черный ящик» непригодны для работы с документированной информацией, имеющей правовой статус: проследить, как преобразуются данные внутри такой модели, нельзя, и правовой статус информации размывается (диссипирует) [9]. Взамен автор предлагает диалоговые экспертные системы с консультативной ролью ИИ и «кусочно-разрывные» алгоритмы, при которых каждый промежуточный результат проверяется уполномоченным сотрудником и заверяется электронной подписью [9]. Для систем прогнозирования поведения осужденных тем же автором выдвинут набор принципов: итоговое решение принимается с приоритетом прав осужденного, модели должны быть прозрачны и объяснимы, дискриминация исключается, объем обрабатываемых данных минимизируется, ИИ-системы проходят независимый аудит, решения с использованием прогностики могут быть обжалованы, а ответственность распределяется между разработчиками, эксплуатантами и должностными лицами; дополнительно предложен ведомственный реестр алгоритмов оценки риска рецидива [10]. В работе о «цифровом следе» осужденного исследователь предупреждает об опасности «презумпции цифровой виновности», когда выводы нейросетевых систем надзора принимаются без процедуры их проверки [11].

Вспомогательная роль ИИ вытекает и из законодательства о персональных данных. По ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27

июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» решение, влекущее для гражданина юридические последствия или иным образом затрагивающее его права и законные интересы, не может быть принято исключительно на основе автоматизированной обработки его персональных данных; изъятия допускаются лишь при письменном согласии субъекта или в случаях, прямо указанных в федеральном законе, где также установлены меры защиты прав субъекта (ч. 2 ст. 16). Согласно ч. 2 ст. 11 того же закона биометрические данные могут обрабатываться без согласия субъекта, если это предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством. Законопроектом № 460-9, внесенным в Государственную Думу, предлагается дополнить Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» и УИК РФ нормой о том, что персональные данные подозреваемых, обвиняемых и осужденных, включая биометрические, обрабатываются органами уголовно-исполнительной системы без согласия этих лиц для идентификации и/или аутентификации; в пояснительной записке к проекту УИИ названы прямо [12].

Представители Федеральной палаты адвокатов РФ указали на пробелы проекта: не названы категории собираемых сведений (при том что в пояснительной записке фигурируют даже «поведенческие черты»), не определены сроки хранения, получатели и основания уничтожения данных, а полномочия органов уголовно-исполнительной системы не ограничены ни территорией учреждения, ни сроком наказания. Предложенные ими поправки включают уничтожение данных при освобождении, прекращении дела, оправдании и не позднее погашения или снятия судимости (ч. 6 ст. 86 УК РФ), запрет передавать биометрические шаблоны в городские системы видеонаблюдения без решения суда, ведение журнала доступа, право на обжалование и т. п. [12]. В Регламенте (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте применен подход прямых запретов: с 2 февраля 2025 г. на основании подп. «d» п. 1 ст. 5 не допускается применение ИИ-систем, оценивающих риск совершения лицом уголовного правонарушения только по результатам профилирования или анализа черт личности; исключение сделано для систем, поддерживающих оценку, которую дает человек на основе объективных и проверяемых фактов, а ИИ в правоохранительной деятельности включен приложением III в число систем высокого риска [13]. Несмотря на различие правовых систем, критерий «объективных и проверяемых фактов» может служить ориентиром при определении границ алгоритмической оценки риска в СЭМПЛ.

При определении этих границ необходимо учитывать состав лиц, находящихся под контролем СЭМПЛ. На конец 2022 г. электронными средствами контролировались 7 597 лиц под домашним арестом, 1 533 лица с запретом определенных действий и 6 лиц под залогом против 5 641 осужденного к ограничению свободы [3], т. е. около 62 % подконтрольных составляли подозреваемые и обвиняемые, которые в силу ст. 49 Конституции РФ считаются невиновными. Прогнозная оценка «риска нарушения» в отношении этой категории по существу является оценкой вероятности противоправного поведения лица, вина которого не установлена приговором. Из этого следует дифференциация: к подозреваемым и обвиняемым допустимо применять лишь техническую обработку сигналов, а аналитическая оценка риска может использоваться только в отношении осужденных, по делам которых вынесен вступивший в законную силу приговор.

По результатам рассмотрения нормативной базы, технического состояния СЭМПЛ и доктринальных позиций можно заключить, что ч. 1 ст. 60 УИК РФ служит основанием для применения технических средств надзора, но не для автоматизированной аналитической обработки поведения подконтрольного лица. Расширительное толкование этой нормы недопустимо, т. к. алгоритмическая оценка поведения затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, ограничение которого возможно лишь федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В связи с этим предлагается разграничить функции ИИ в СЭМПЛ по трем уровням допустимости:

вспомогательные технические функции – отсеивание ложных срабатываний, классификация тревожных сообщений по степени критичности, прогнозирование разряда аккумулятора и отказа устройства, восстановление трека при потере сигнала ГЛОНАСС/GPS с обязательной пометкой реконструированных участков; допустимы в отношении всех подконтрольных лиц при условии журналирования каждой операции;

аналитические функции поддержки решения инспектора – оценка вероятности нарушения ограничений для выбора периодичности проверок, вида контрольного устройства (СКУ/МКУ) и мер профилактического воздействия; допустимы только в отношении осужденных, если оценка строится на фактах поведения (зарегистрированные нарушения, пропуски явок и т. д.), а не на социально-демографических характеристиках лица, и оформляется как рекомендация, мотивированно принимаемая или отклоняемая должностным лицом;

недопустимые функции – автоматическое признание осужденного злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ), автоматическое направление в суд представления о замене наказания или об изменении меры пресечения, использование оценки риска в качестве доказательства нарушения, непрерывная биометрическая идентификация подконтрольного лица вне зон, указанных в приговоре или постановлении суда.

Допустимость функций первого и второго уровня зависит от качества моделей, которое необходимо измерять и раскрывать. Ошибки классификации тревожных сообщений бывают двух видов: ложная тревога, влекущая лишний выезд инспектора и вмешательство в частную жизнь подконтрольного лица, и пропуск реального нарушения, при котором контроль теряет смысл. Соотношение этих ошибок задается порогом срабатывания модели, т. е. является управленческим выбором, а не техническим параметром, и потому должно утверждаться ведомственным актом, а не настройками разработчика. Модели целесообразно испытывать раздельно на данных регионов с разным качеством сотовой связи и спутникового сигнала, поскольку из-за единственной SIM-карты в браслете и «мертвых зон» покрытия [3] доля ложных сигналов в сельских и городских районах неодинакова, а результаты испытаний (доли ложных тревог и пропусков, время задержки сигнала и т. п.) публиковать ежегодно в обезличенном виде.

Для закрепления этой модели целесообразно дополнить ст. 60 УИК РФ частью следующего содержания: «Информация, полученная с использованием технических средств надзора и контроля, может обрабатываться с применением технологий искусственного интеллекта в целях подготовки предложений должностному лицу уголовно-исполнительной инспекции. Решения, влекущие правовые последствия для осужденного, принимаются должностным лицом после проверки сведений, полученных с использованием таких технологий. Порядок применения технологий искусственного интеллекта, перечень обрабатываемых данных и сроки их хранения определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний». В ст. 105.1 и 107 УПК РФ уместно ввести правило, ограничивающее обработку данных мониторинга подозреваемых и обвиняемых технической верификацией сигналов.

На ведомственном уровне целесообразно закрепить:

порядок проверки тревожного сообщения, классифицированного алгоритмом, с выездом/звонком инспектора и составлением акта до принятия мер реагирования;

журнал аудита с записью версии модели, входных данных, выданной рекомендации и решения инспектора с мотивировкой;

форму унифицированного отчета СЭМПЛ для суда с указанием номеров устройств и отметкой о применении алгоритмической обработки [4];

ведомственный реестр допущенных к эксплуатации алгоритмов с результатами испытаний на данных разных регионов [10];

право осужденного/подозреваемого на ознакомление со сведениями, послужившими основанием решения, и на их оспаривание;

порядок исключения лица из алгоритмической обработки после снятия с учета и уничтожения связанных с ним данных.

Обязательным элементом модели является уведомление подконтрольного лица. С. В. Шевелева и Д. Н. Химеденова обосновывают необходимость письменного уведомления осужденных о применении к ним средств распознавания и обработки данных [5]; этот подход целесообразно распространить на любую алгоритмическую обработку данных СЭМПЛ. При постановке на учет лицу под подпись разъясняются состав собираемых о нем сведений, факт и цели применения ИИ, сроки хранения данных, а также порядок ознакомления с рекомендацией алгоритма, на основании которой принято решение, и порядок ее оспаривания. При такой процедуре защитник получает возможность проверить данные мониторинга в суде, а контроль становится предсказуемым для самого подконтрольного лица.

В основу предложенной модели положен принцип решающего участия должностного лица: ответственность за решение, принятое с опорой на рекомендацию алгоритма, несет инспектор/начальник УИИ, а ответственность за дефекты модели распределяется между разработчиком/эксплуатантом в рамках государственного контракта [9, 10]. Внедрение аналитических функций второго уровня целесообразно лишь после сертификации оборудования и пилотной эксплуатации в нескольких субъектах РФ, т. к. при обучении моделей на данных, где неисправными числятся 18-36 % устройств, погрешности техники переходят в выводы алгоритма. Срок хранения данных мониторинга следует ограничить сроком наказания или меры пресечения и сроком обжалования принятых решений с обязательным уничтожением при погашении судимости, что согласуется с подходом к дифференцированному режиму «цифрового следа» осужденного [11, 12].

Заключение

Правовой основой электронного мониторинга подконтрольных лиц служат ч. 1 ст. 60 УИК РФ, ст. 105.1, 106 и 107 УПК РФ, постановления Правительства РФ № 198 и № 134, которыми урегулированы виды технических средств и порядок их применения, но не автоматизированная аналитическая обработка собранных данных. Применение технологий ИИ в СЭМПЛ нуждается в прямом указании федерального закона, поскольку алгоритмическая оценка поведения затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, т. е. является ограничением конституционного права (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Пределы применения ИИ в СЭМПЛ определяются четырьмя группами факторов: техническим состоянием оборудования (в 2022 г. исправными числились 64-82 % устройств в зависимости от вида), условиями судебной оценки данных мониторинга, запретом принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных (ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ) и презумпцией невиновности большинства подконтрольных лиц. В предложенной трехуровневой модели разграничены вспомогательные технические, аналитические и недопустимые функции ИИ, а право окончательного решения закреплено за должностным лицом УИИ: результатом работы алгоритма является рекомендация, тогда как правовые последствия наступают лишь после проверки сведений инспектором и мотивированного решения, причем пара «рекомендация/решение» подлежит записи в журнале аудита.

Реализация модели связана с дополнением ст. 60 УИК РФ и соответствующих норм УПК РФ, ведомственным регламентом проверки тревожных сообщений, реестром алгоритмов с публикуемыми показателями точности, ограничением сроков хранения данных, уведомлением подконтрольных лиц и процессуальными гарантиями ознакомления и обжалования. Внедрение аналитических функций целесообразно после технической модернизации оборудования СЭМПЛ, без которой погрешности исходных данных неизбежно перейдут в выводы алгоритмов и ослабят доказательственное значение материалов УИИ в суде.

Литература

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 (ред. от 15 февр. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Батоев В. Б. О некоторых вопросах построения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц при предупреждении рецидива преступлений средствами контроля и надзора в органах внутренних дел // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 81-89.

4. Владимиров С. В., Кубанов В. В. Проблемы доказывания в судебных заседаниях исправности оборудования СЭМПЛ в период допущенного обвиняемым (подозреваемым), осужденным нарушения охранной зоны и временного режима // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55). С. 24-28. DOI: 10.37523/SUI.2023.55.4.004.

5. Шевелева С. В., Химеденова Д. Н. Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 160-169. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).160-169.

6. Ямбаев Д. О. Облачный центр анализа и обработки данных как структурный компонент цифровой трансформации и развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 10. С. 62-70. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-257-10-62-70.

7. Гусев А. С., Казак И. Б., Драницина А. Н. Некоторые вопросы использования технических средств в уголовно-исполнительных инспекциях // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 352-354. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_352.

8. Оноприенко О. ФСИН неэффективно использовала выделенные на информатизацию 8,9 млрд руб. // Адвокатская газета. 2018. 10 сент. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/fsin-neeffektivno-ispolzovala-vydelennye-na-informatizatsiyu-8-9-mlrd-rub/ (дата обращения: 16.10.2026).

9. Царькова Е. Г. Правовые основы алгоритмизации управленческих процессов с применением элементов искусственного интеллекта в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 5. С. 89-93. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-89-93.

10. Царькова Е. Г. Правовые принципы применения искусственного интеллекта для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 3. С. 313-318.

11. Царькова Е. Г. Правовые аспекты формирования и использования «цифрового следа» осужденного в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 2. С. 296-300.

12. Нагорная М. Порядок обработки биометрии подозреваемых, обвиняемых и осужденных предлагается закрепить в законе // Адвокатская газета. 2026. 15 окт. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/poryadok-obrabotki-biometrii-podozrevaemykh-obvinyaemykh-i-osuzhdennykh-predlagaetsya-zakrepit-v-zakone/ (дата обращения: 16.10.2026).

13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L series. 12 July. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 16.10.2026).

Legal grounds and limits of the use of artificial intelligence technologies in the electronic monitoring system of controlled persons of the Federal penitentiary service of Russia

Nesterenko S.V.

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

The study addresses the legal grounds and limits of the use of artificial intelligence technologies in the federal state information system «Electronic Monitoring System of Controlled Persons» (SEMPL) operated by the penal enforcement inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia since 2012. The provisions of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Personal Data», Government Decrees No. 198 and No. 134, the Concept of Development of the Penal System until 2030, the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence and draft law No. 460-9 on the processing of biometric data of suspects, accused and convicted persons are examined. It is established that the current legislation permits the use of technical means of supervision and control but contains no rules on automated analytical processing of monitoring data, on the legal status of algorithmic outputs or on safeguards for the rights of controlled persons. Taking into account the technical condition of SEMPL equipment and the judicial assessment of its data, a three-level model of admissible artificial intelligence functions is substantiated: auxiliary signal processing, analytical support of the inspector’s decisions (for convicted persons only) and prohibited functions. Amendments to Article 60 of the Penal Enforcement Code and departmental acts are proposed, establishing the decisive participation of an official, mandatory verification of alarm messages, logging of algorithm operation, limited data retention periods and the right of the convicted person to access the grounds of a decision.

Keywords: electronic monitoring system of controlled persons; artificial intelligence; penal enforcement inspection; restriction of liberty; algorithmic risk assessment; personal data; automated decision; Federal Penitentiary Service of Russia.

References

1. On approval of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.)
2. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030): Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10,

2019 (as amended on February 15, 2024). Sobranie zakonodatel'stva RF, 2019, no. 41, art. 5700. (In Russ.)
3. Batoev V. B. On some issues of building a system of electronic monitoring of controlled persons in the prevention of recidivism of crimes by means of control and supervision in the internal affairs bodies. Jurist-Pravoved, 2023, no. 3 (106), pp. 81-89. (In Russ.)
4. Vladimirov S. V., Kubanov V. V. Problems of proving in court sessions the serviceability of electronic monitoring system equipment during the period of violation of the security zone and temporary regime committed by the accused (suspect), convicted. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta, 2023, no. 4 (55), pp. 24-28. DOI: 10.37523/SUI.2023.55.4.004. (In Russ.)
5. Sheveleva S. V., Khimedenova D. N. The use of face recognition technologies for preventing crimes committed by specific categories of convicts. Russian Journal of Criminology, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 160-169. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).160-169. (In Russ.)
6. Yambaev D. O. Cloud center for data analysis and processing as a structural component of digital transformation and development of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, 2023, no. 10, pp. 62-70. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-257-10-62-70. (In Russ.)
7. Gusev A. S., Kazak I. B., Dranitsyna A. N. Some issues of the use of technical means in criminal enforcement inspections. Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2024, no. 12 (240), pp. 352-354. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_352. (In Russ.)
8. Onoprienko O. The Federal Penitentiary Service inefficiently used 8.9 billion rubles allocated for informatization. Advokatskaya gazeta, 2018, September 10. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/fsin-neeffektivno-ispolzovala-vydelennye-na-informatizatsiyu-8-9-mlrd-rub/ (accessed 16.10.2026). (In Russ.)
9. Tsarkova E. G. Legal foundations of algorithmization of management processes using elements of artificial intelligence in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 5, pp. 89-93. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-89-93. (In Russ.)
10. Tsarkova E. G. Legal principles of the use of artificial intelligence for predicting the behavior of convicts in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 3, pp. 313-318. (In Russ.)
11. Tsarkova E. G. Legal aspects of the formation and use of the «digital footprint» of a convict in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 2, pp. 296-300. (In Russ.)
12. Nagornaya M. It is proposed to establish in law the procedure for processing biometrics of suspects, accused and convicted persons. Advokatskaya gazeta, 2026, October 15. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/poryadok-obrabotki-biometrii-podozrevaemykh-obvinyaemykh-i-osuzhdennykh-predlagaetsya-zakrepit-v-zakone/ (accessed 16.10.2026). (In Russ.)
13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union, 2024, L series, July 12. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed 16.10.2026).